

Содержание

Глава 1. В поисках Блейка	9
Глава 2. Обыкновенный голландский мальчик	19
Глава 3. Еврейский особняк в арабском городе	24
Глава 4. Обман входит в привычку	29
Глава 5. Легендарный центр скрытой власти	37
Глава 6. Обращение узника	46
Глава 7. Обеденный шпион	60
Глава 8. Крот в Берлине	70
Глава 9. Полный провал	82
Глава 10. Людские потери	102
Глава 11. Шпионаж, мячи и ракетки	115
Глава 12. Иностраннный предатель	123
Глава 13. Йога за решеткой	131
Глава 14. Настоящий Хичкок	141

Глава 15. Человек, который принимает правила игры	156
Глава 16. Анри Куриэль. Параллельная жизнь	178
Глава 17. Цинизм и рождественский пудинг	189
Глава 18. “Ни капли трагизма”	201
Послесловие	209
<i>Слова благодарности</i>	<i>211</i>
<i>Примечания</i>	<i>213</i>
<i>Избранная библиография</i>	<i>245</i>
<i>Книги и статьи</i>	<i>247</i>
<i>Список иллюстраций</i>	<i>251</i>

*Посвящается Памеле,
Лейле, Лео и Джюю*

Глава 1

В поисках Блейка

Джордж Блейк уже сорок минут прятался во внутреннем туннеле тюремной стены, подгадывая момент для побега. Снаружи его поджидал сообщник Шон Берк — он должен был перекинуть через стену веревочную лестницу. Но Берк вдруг перестал отвечать. Вымокнув до нитки под проливным дождем, Блейк почти потерял всякую надежду.

22 октября 1966 года, в 18:50, Блейк заподозрил, что ирландец больше на связь не выйдет. Он настолько отчаялся, что уже хотел отключить свою рацию. Раздался сигнал, по которому заключенные должны разойтись по камерам. На семичасовой переключке заметят его исчезновение. О побеге оповестят полицию по всей стране. В 1961 году Блейка, британца голландского происхождения, разоблачили как шпиона КГБ, он стал первым офицером британской Секретной разведывательной службы (СИС, ныне известной как МИ-6), осужденным за измену родине¹. Его приговорили к сорока двум годам заключения, самому длительному тюремному сроку за всю историю Великобритании. Если бы его схватили при побеге из Скрабс, ему неминуемо грозила бы тюрьма строгого режима, где он десятки лет спустя и умер бы, вдали от жены и сыновей.

Где-то без пяти семь Блейк рискнул в последний раз. Используя условленные позывные, он связался с Берком по ра-

ции: “Лис-Майкл! НЕМЕДЛЕННО бросай лестницу, немедленно! Больше времени нет! Сейчас же, Лис-Майкл! Ты еще там? Ответь, пожалуйста”. Ожидавший его снаружи Берк не был уверен, что поблизости никого нет, но все равно перебросил лестницу через стену². Блейк увидел “змеящуюся лестницу из тонкого нейлона”. Настал момент истины. Блейк подбежал к лестнице, взобрался по ней. “Это было на удивление просто”, — вспоминал он годы спустя. Берк, едва завидев его наверху, закричал: “Прыгай, прыгай, Христа ради, прыгай!”³ Блейк прыгнул, и, миновав неуклюжую попытку Берка подстраховать его, неудачно приземлился на дорогу, сломав запястье и поранив лоб. Минуту он пролежал без движения. Затем Берк запихнул его в свой старый “хамбер” и помчался в квартиру, арендованную всего в паре сотен ярдов от Скрабс. Улицы Западного Лондона почти опустели. Благодаря дождю тот вечер был просто идеален для побега⁴.

Через сорок пять минут тюремщики обнаружили веревочную лестницу и валявшийся у внешней стены тюрьмы, словно улика из романов Агаты Кристи, букет розовых хризантем.

Сокамерники Блейка ликовали, узнав о его побеге⁵. Зе-нон, герой войны, сидевший в Скрабс за убийство любовника своей бывшей пассии, писал:

За все годы, что я провел здесь, произошло порядка ста побегов, но такую реакцию я видел впервые. Прислушавшись, можно было разобрать слова и обрывки разговоров.

... “Он их сделал...” А потом откуда-то из дальнего южного крыла тюрьмы донеслось пение: “Какой же он славный парень!”... Я всегда знал, что его здесь любят, но до сих пор не доводилось оценить размах этой любви⁶.

“Шпион Блейк совершил побег из камеры Скрабс, подпилив прутья решетки”, — гласил заголовок передовицы *Observer* на следующее утро⁷. Газета напоминала читателям, что на суде в 1961 году Блейк “признал, что все до единого документы лю-

бой важности, к которым у него как у сотрудника разведки был доступ, он передавал своему русскому связному”.

Образ двойного агента дополняли кое-какие личные детали, которыми с газетой поделился недавно освободившийся из Скрабс взломщик сейфов: “Он был патриотом Британии. Да, он был коммунистом, но идейным... Заключенные его очень любили... Я знал тех, кто брал у него уроки арабского, французского и немецкого”.

Полиция установила наблюдение за аэропортами, портами южного побережья и посольствами коммунистических государств в Лондоне. Пресс-секретарь советского посольства сообщил *Observer*: “Нам сказать нечего. С чего вы взяли, что он обратился к нам?”



Я заинтересовался Блейком в 1999 году, наткнувшись на его интервью голландскому журналу, которое он дал, находясь в московской ссылке. Меня тут же потрясло сходство между нашим прошлым. Нас объединяло британское, еврейское и космополитичное происхождение, мы оба выросли в Нидерландах.

Он прожил незаурядную жизнь, а я почти ничего о нем не слышал. На первые полосы мировых изданий Блейк впервые попал в 1961 году, когда его посадили, а потом — когда сбежал из тюрьмы. Но после исчезновения из Скрабс о двойном агенте практически не вспоминали, словно этого проходного персонажа минувшего века давно уже не было в живых. Я начал читать о его жизни и обнаружил заманчивый состав второстепенных действующих лиц — от Альфреда Хичкока до Владимира Путина.

Тогда, в 2004 году, я встретился с Дерком Сауэром, голландцем, перебравшимся в Россию в 1989 году и ставшим в Москве медиамагнатом (мало того, что он основал газету *Moscow Times*, ему пришла еще и блестящая идея создать рос-

сийские редакции *Cosmopolitan* и *Playboy*). Сауэр, и сам увлекшийся в юности маоизмом, подружился со своим соотечественником — московским голландцем. Их семьи не раз праздновали вместе *Sinterklaas*, голландский День святого Николая. В мае 2012 года, отправляясь в Москву на конференцию, я спросил у Сауэра, не согласится ли Блейк дать мне интервью.

Блейк не раздавал интервью направо и налево. Шпион по профессии, он был скрытен по своей природе⁸. Если не считать непродолжительного периода в 1990 году, когда он презентовал автобиографию, с англоязычными журналистами он общался очень редко (и всегда, “из любезности”, сообщал о своих интервью КГБ)⁹.

К тому моменту, когда я стал его разыскивать, у Блейка появилась новая причина избегать журналистов: он не хотел, чтобы ему задавали вопросы о Путине. Даже храня до сих пор верность некоторым коммунистическим идеалам, в душе Блейк превратился в мирного демократа и недолюбливал коллегу-выпускника из КГБ. Как бы то ни было, Путин мог лишить Блейка и его жену дачи и пенсий, и задевать его бывшему шпиону не хотелось.

Перед тем как согласиться на интервью, он настоял на возможности опросить меня. Я позвонил ему в оговоренное время с российского мобильного телефона одного моего друга. Я стоял посреди Новодевичьего кладбища в Москве — искал могилы Чехова и Никиты Хрущева. По телефону мы с Блейком говорили по-голландски. В его речи угадывались нотки довоенного шика и жесткие тона родного Роттердама. Он был словоохотлив и смешлив. Старательно обходил тему Путина, поэтому в конце я сам ее поднял, пообещав не задавать вопросов о современной российской политике.

Другим препятствием для интервью, сообщил он мне, извиняясь, была его семья. Он сказал, что трое его сыновей в Великобритании (представители истеблишмента) не любили, когда в газетах появлялись статьи об их отце — совет-

ском шпионе (на самом деле, как я узнал позже, по всей видимости, лишних упоминаний этой истории старательно избегала их мать Джиллиан, бывшая жена Блейка¹⁰).

Я согласился опубликовать наше интервью только по-голландски. Блейку этого было достаточно, и он пригласил меня к себе домой. Думаю, он так поступил, потому что доверял Сауэру и ему понравилась мысль, что после семидесяти лет разлуки о нем смогут прочитать жители его родной страны.

Позже я согласовал с Сауэром разрешение опубликовать материал на английском после смерти Блейка, когда его семья неизбежно столкнется с повышенным вниманием прессы, вне зависимости от того, напишу я что-либо или нет. Решение публиковать по-английски далось мне нелегко. Отчасти я исходил из вполне понятного самолюбия: мне хотелось написать эту книгу. С другой стороны, казалось, что Блейк обязан дать британцам какое-то объяснение.

На следующий день после нашего телефонного разговора на кладбище русский водитель Сауэра заехал за мной к гостинице “Украина”, образцу сталинского ампира у Москвы-реки, и повез за город на дачу Блейка, дом, где прежде тот бывал лишь по выходным, а к 2012 году жил постоянно. Даже в субботу утром мы попали в пробки, но приехали раньше назначенного времени, и я успел немного посидеть на солнышке в местном парке. Все здесь напоминало пригород Лондона или Парижа. Вокруг детской площадки стояли приятные белые многоквартирные дома. Мимо шли по-западному одетые люди: девушка на пробежке, мужчина с коляской, мальчик в бейсболке на велосипеде со вспомогательными колесиками. Были и явно советские персонажи: опирающаяся на трость бабушка с гнилыми зубами болтала на скамейке со сторожем парка; мужчина с полиэтиленовым пакетом похмелялся утренней порцией пива. Только потом понимаешь, как безоблачно было то весеннее утро в России 2012 года, когда нефть стоила больше 100 долларов за баррель, а Путин еще не напал на Украину.

Оттуда я пешком добрался до дома Блейка. На тихой засаженной деревьями улице меня ждал маленький старичок, опиравшийся на трость с набалдашником в форме собачьей головы. Всколоченная борода, вставные зубы, большие уши, пигментные пятна, домашние тапочки на ногах — от прежней щеголеватости Джорджа Блейка не осталось и следа, зато до сих пор чувствовалось обаяние авантюриста. Открыв калитку, он впустил меня в свой просторный сад. На веревке сохло белье, на солнце валялся футбольный мяч внука, от комаров было некуда деться.

Снаружи дача была покрашена в салатовый цвет. “Вы не поверите, этот дом еще дореволюционной постройки”, — изумлялся его хозяин¹¹. Здесь чета Блейков развлекала по выходным в 1970-е Кима Филби до тех пор, пока перебежчики не разругались.

Из дома вышли русская жена Блейка Ида и его шумный маленький терьер. Блейк повел меня на веранду. Многие стоявшие на полках книги были из библиотеки, оставленной ему в наследство близким другом и коллегой — советским агентом Дональдом Маклином. Старые переплеты без суперобложек — “Зулейка Добсон” Макса Бирбома, Фолкнер, Г. Г. Уэллс, биография Диккенса, “Жизнь и учение Карла Маркса” некоего Льюиса — соседствовали с трудами по истории голландского Сопротивления. На подоконнике стояла кукла британского бифитера в красном камзоле — возможно, как напоминание о заключении Блейка в Лондоне за государственную измену или просто как сувенир.

Ида принесла нам чай и сэндвичи с салями (“бутерброды”, как она назвала их по-русски). Свою порцию получила и собака, устраивавшаяся спать у наших ног. Я и Блейк сели рядом на диване, чтобы он слышал меня. Его голубые глаза покраснели. “Я вас не вижу, — уточнил он. — Вижу, что кто-то сидит, но кто это и каков человек на вид, разобрать не могу”¹².

На момент нашей встречи Блейку было восемьдесят девять лет, из всех британских шпионов, перебежавших в Мо-

скву, в живых теперь оставался только он один. Когда он прибыл в СССР в 1967 году после побега из тюрьмы, Гай Берджесс уже умер. Маклин и Филби умерли в Москве в 1980-е.

Я спросил Блейка, на каком языке он предпочитает общаться — голландском или английском. Он — по-голландски — ответил: “Когда мне выдается такая возможность — а случается это очень редко, — мне доставляет большое удовольствие говорить по-голландски. Возможно, так мне комфортнее всего”. Он добавил, что по-русски говорит “с голландским акцентом. Я говорю на нем очень.. хм, — и тут он на мгновение переключился на английский, — *свободно*. С женой, детьми, внуком, с невесткой”¹³.

Я провел с Блейком около трех часов, пытаюсь навести его на размышления об истории его жизни: от участника голландского Сопротивления во Второй мировой войне до британского шпиона и полковника КГБ. Сауэр впоследствии рассказал мне, что это интервью окажется последним в жизни Блейка. Я вырос в Лейдене, в двадцати милях от родного дома Блейка в Роттердаме. За время, что мы провели вместе, мне показалось, что язык и общие корни в каком-то смысле сблизили нас. У носителя голландского языка, живущего там, где почти никто не знает голландского — как это было в течение большей части взрослой жизни Блейка и моей собственной, — может сложиться впечатление, будто он владеет каким-то тайным языком и издали наблюдает за всеми остальными. Когда встречаешь собеседника, говорящего по-голландски, эта дистанция сокращается. Такое взаимопонимание завораживало, но вызывало одновременно и тревогу: я не хотел поддаваться обаянию Блейка.



История Блейка сейчас известна немногим, да и то лишь в той мере, в какой можно что-то точно знать в лживом мире шпионажа. Его до сих пор окружает много тайн. МИ-6 так и не об-